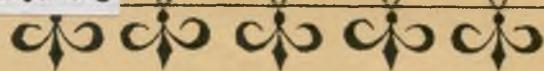

К 1372293

Автограф
45

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

45

K 1372293

Вологда
2006

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ МАЯКИ	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Н. Бушенев, Е. Саблина, К. Павлов и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Д. Ермаков «О любви»	10
Любовь и нежность	12
Из фондов музея	12
В. Иванов	13
Н. Трофимова	13
НАШИ ГОСТИ	14
Грязовец — 2006 год	14
Поэзия	14
ИЗБРАННОЕ	17
Юрий Фатнев	17
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	20
Виктор Бараков	20
В. Бакуменко	21
А. Новиков	22
М. Суров	23
Семинар в Вологде	24
Книжная полка	25
КОРОТКАЯ ПРОЗА	26
Н. Бушенев	26
А. Дубинин	26
А. Бабичев	27
ГРАФИКА	28
Валерий Покатов	28
В. Бакуменко о Лукашёве	31
Николай Неймеш	34

На обложке журнала рисунок Елены Агиной, Гомель

НАШИ МАЯКИ

Это банальное название я позволил себе только потому, что оно перекликается с выходящий в Вологде газетой «Литературный Маяк». Мне бы хотелось назвать писателей-вологжан, с которыми мы связываем большие надежды. Не буду упоминать давно известные имена писателей старшего поколения. Назову других.

Дмитрий Ермаков, прозаик, довольно молод. Кстати, он редактирует упомянутый «Литературный Маяк», не сидит, сложа руки.

Андрей Широглазов, пожалуй, самый лучший череповецкий поэт, и к тому же бард. К сожалению (а может, нет) много времени уделяет сейчас интернет-поэзии.

Елена Саблина, интересная вологодская поэтесса, автор двух книг, которые действительно читаются, лауреат нескольких конкурсов.

Виктор Бараков, литературовед, автор многих статей и книг о Рубцове и др. авторах. К тому же профессор, много работает.

Хотелось бы еще назвать Михаила Карабчева, талантливого поэта, но он очень мало пишет. Давать прогнозы в таком случае не могу.

Наши писатели живут и творят на своей земле, на своей родине. А вот с Б. Ахмадулиной недавно казус кукоцкого случился. Цитирую газету «Красный Север»: «— Когда я впервые приехала в Ферапонтово, — утверждает Белла Ахмадулина, — я поняла: вот моя родина, которую от меня так долго прятали!» Выходит, так все и жила и писала без родины. Чудеса!

Литератор

Стихи последних лет

Виталий СЕРКОВ

* * *

Эх, судьба — корзина драная,
Не корзина — решето!
На беду, узнал не рано я,
В зрелом возрасте, про то.

Что мне было предназначено,
Не понять и не вернуть;
Исписал страницы начерно
И не смог перевернуть.

Сколько дыры я ни штопаю,
Дни твои, судьба, текут;
Бьешь ли зря, буянишь — топаю...
В даль... пока мечты влекут...

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Уже совсем поздно,
А всё не сплю — маюсь.
Мне говорят: «Брось, мол,
Таких ещё тьма есть».

Что говорят — верно.
Да я и сам знаю.
Но отчего — нервы?
Но почему — сна нет?..

Вот засияет иней.
Настанет день — стаял.
Но лишь её имя
я всё твержу тайно.

А мне жужжат: вяну —
цветок-де я словно.
Но и она явно,
любовь тая, сохнет.

А кто её дивный?
А он её помнит?
И по всему видно,
как ей черна полночь...

Так что же так долго
мы ищем друг друга?
Разбить сердца только
и в сердцебой-груду?!..

Алексей ТКАЧЕВ

ЗАЧЕМ ВОЙНА

Зачем война, когда нужна любовь.
Течет река судьбы неумолимо.
Мне ты нужна и наш уютный кров,
Как долг стране, такой необходимый.
Нас с каждым годом меньше у Земли.
Нас давят, травят, жгут или взрывают.
А кто-то хочет плясок, черт возьми,
Когда друзья за правду погибают.
Ведь где-то спелись нелюди гурьбой.
И снова быт спокойный эфемерен.
Еще чуть-чуть — и дом уже не твой,
В нем наглый вор ломает ваши двери.
В краях, в которых с некоторых пор,
Быть справедливым делалось опасно,
Еще наш прападур брался за топор,
А не ходил по дьякам понапрасну.

ВОЛОГОДЧИНА

По дорожке ходят голуби,
Суетятся воробыши.
Я опять собрался в Вологду,
Как обычно, на свои.
И поехал, да не рано ли,
Колесить издалека?
Из-под самого Пеганова,

Путь-дорожка не близка...
Пусть на ветер тучи дуются,
Мне ж погода нипочем.
Я пройдусь по древним улицам,
Не утраченным еще.
Край зеленый, Вологодчина,
Как же я тебя люблю.
Ты, князей великих вотчина,
Без гвоздей была сколочена
Здесь, у света на краю.
И таскали тебя волоком,
И рубили на дрова.
Только ты осталась Вологдой,
Дорожила честью смолоду
И во всем была права.
Ты гордилась вологжанами,
Вологжанами жила.
Возводила храмы заново,
Золотила купола.
Пусть клубятся тучи сивые,
Пусть гроза стоит стеной.
Будешь ты всегда с Россиею,
С самой доброй, с самой синею
И великою страной.

Константин ПАВЛОВ

* * *

Устилала коврами лесные тропинки,-
Поливала дождями шуршащий палас,
И читала Есенина нам без запинки,
И читала Рубцова под вечер, для нас.

А с утра небо хмурила серыми тучами,
А в обед посыпала на землю тепло,
И кормила грибами отборными,
лучшими,
Потому-то с грибами всегда нам везло.

Барабаня по крыше и балуясь сливами,
То гудела, то пела о чем-то своем,
Забиралась под куртки
ветрами-порывами,
И опять раздевала нас солнечным днем.

Я люблю тебя, осень,
за то, что проказница.
Побурчишь, пошумишь, но добра
всякий раз.
Обнадежит, согреет, пошутит,
подразнится,
Своенравная ты,
и похожа на нас.

Татьяна КОРНИЛОВА

* * *

Живое — живому:
Дающему — радость,
Спешащему — время,
Цветущему — май!
Живое — живому.
Умершему — Память.
Воскресшему — Песню.
Спасенному — Рай.

Елена САБЛИНА

* * *

Заклинаючи адом,
Вещим пальцем грозя,
Мне твердили — «не надо»,
Запрещали — «нельзя!»
Все себе разрешила.
Но осталась чиста,
Потому что грешила,
Не снимая креста...

2005

* * *

Какая гордая походка,
Какие тонкие шелка.
Гордячка скажут, стихоплетка,
Мои враги наверняка.

За что меня казнят и мучат,
Так естество мое клеймя?
Они свое еще получат.
Им Бог заплатит за меня.

Андрей КЛИМОВ

TAM

Давай, не будем обо мне
Все время говорить.
И раз живем

в своей стране,
В своей и будем жить.
Тебе найдутся женихи,
Тебе гулять в саду...
Я знаю все свои грехи,—
И мне гореть в аду.
Мне свой заканчивать рассказ
Под взглядами чертей.
Мне блеск твоих
невинных глаз

Нести сквозь сто смертей.
Там мне не надо ничего...
Но я и там, в котле,
Счастливым буду

оттого,
Что есть ты на земле.

Вячеслав БЕЛКОВ

ПАМЯТНИК БАТЮШКОВУ В ВОЛОГДЕ

шуточная песня

Что же делать, раз поставили с конем! —
Значит надо собираться в путь-дорогу,
Сухари сушить и даже понемногу
Запасаться где-то сеном и вином.
Что же делать, раз поставили о конем!

Я люблю коней, но жалко меди мне.
Тоже памятник, но только рукотворный.
И стоит он, жеребец мой непокорный...

В общем, думают, что я не на коне.
Я люблю коней, но жалко меди мне!

Может, сделаем, буланый, ход конем! —
И покинем эту Вологду седую,
И найдем себе подружку молодую
Или даже двух подруг себе найдем.
Может, сделаем, буланый, ход конем?..

Валентина ИГОШЕВА

* * *

Ах, как хочется счастья!
И огромной любви...
В картах мне идут масти.
Значит, все впереди?!

Ну и что, что грущу я,
что совсем все не так.
Ведь по осени листья
тоже грустно шуршат?!

И дождинки стекают
грустно так по лицу...
И друзья намекают:
счастье не по плечу.

Я не спорю, ей-богу,
Пусть все будет как есть.
Но заглянет вдруг счастье —
я приму как за честь!

Татьяна МОЛЯКОВА

* * *

За взбалмошность не кори —
Цыганская кровь играет.
Прищурь, усмешки мои,
Что кроют, никто не знает.

Смуглый изгиб руки,
Острый дефис ключицы,
Три капельки у щеки
Коричневых. И не спится,

Когда за окошком мрак, —
Готовлю отвар зеленый
Из тайных невидимых трав
Терпкий, заговоренный.

Испробуй. Необходим
Душе моей легкий кураж.
Поверь, что покорна, ранима,
Несбыточна я, как мираж.

Уверуй в свою исключительность,
Мечтами гори влюбленными,
В моего побега стремительность
Не верь до конца. Бессонными

Ночами не мучай глаз.
Это, мой друг, бессмысленно.
Твоя я ошибка, фарс.
Не веришь? Немыслимо?

Меня не забудешь вовек —
Судьба твоя такова.
Не зря ж я на устах у всех —
«Кармен» и «Черная вдова».

Геннадий ШТИКОВ

МАЙ В ОКТЯБРЕ

Без листвы загрустили деревья,
Стало пусто на нашем дворе,
Но причина была для веселья:
Это ласковый май в октябре.

День рождения — твое появление,
Ты явилась на свет на заре,
Это нашей звезды повеление
Засветиться в туманной поре.

В день рождения тебя поздравляю
Ароматом пленительных роз,
Обнимая тебя, понимаю:
Буду вечно любить и до слез.

В голубые глаза расцелую,
Косы русые сам расплету,

И всю ноченьку напропалую
Будем звезды ловить на лету.

Улыбнутся застенчиво розы,
Словно ангелы чистой любви,
А в глазах наших сладкие слезы
Изливать будут чувства свои!

От любви и смеешься, и плачешь,
В ней сгораешь, и с нею живешь,
От любви свое сердце не спрячешь,
В ней колючие розы найдешь.

Удивительный алый цветочек,
Я тебя очень сильно люблю!
С голубыми глазами росточек,
По которым ночами грущу.

Сколько можно тебе насмехаться.
Сколько можно мое сердце рвать,
Неужели же нам не собраться
С нашей яблоньки плод оборвать?

п. Вахтога

Владимир ТУРКИН

ВНОВЬ ОДИН

Боже мой! Какие страсти!
Смерть пришла сказала:
— Здасьте.
Я со страху ей в ответ:
— Никого же дома нет.
— Как же нет? А ты-то кто?
Я — нахально:
— Конь в пальто.
Смерть, конечно, удивилась:
— Конь в пальто!? Скажи на милость?
И задумчиво сказала:
— Да, таких я не знавала.
Адресок есть. Шла к поэту,
А его и дома нету.
Разнарядки на коня
Не найдется у меня.

Предо мною извинилась
И тихонько удалилась.
С облегчением вздохнул:
— Дуру эту обманул.
До чего ж я умный — «блин!»
Смерть ушла и не вернулась,
Только что-то вдруг взгрустнулось;
Скука... скука... — вновь один.

Давид ЛЕВКИН

* * *

Не злюсь на Вас,
Хотя, быть может, надо,
Но я простил Вас
И за многое прошу:
За все задержки
И объемы шоколада,
Которым Вас
Теперь не угощу.

Я Вас простил
За все свои успехи,
За то, что понял
Красоту и страсть.
Но после Вас
Я не сниму свои доспехи,
Сквозь дни пойду
И навоююсь всласть.

Вы разлюбили,
Я скажу: «Спасибо!»
За то, что Вы не стали
Дальше лгать.
Желаю Вам всю жизнь
Прожить красиво,
И обещаю Вам
Без Вас не умирать.

г. Череповец

Игорь ЭПАНАЕВ

ЛЮБОВЬ — ЛЮБИМЫМ

Не хотим с любыми мы,
А хотим с любимыми!

КОШКИ И ЛЮДИ

Я рисую круг большой,
Маленький овальчик.
Мне сегодня хорошо,
Я веселый мальчик.
Я рисую иногда
Женские фигурки —
Вся ругается родня,
Кроме кошки Мурки.

Петр КУЗЬМИН

ЧАСТУШКИ

Ввел нам Горби перестройку,
словно милостыню дал,
а потом с премьером Колькой
откровенно заболтал.

Царь Борис был партхолуем,
но восстал и в дрязги влип.
Сразу стал непредсказуем,
как взобрался на Олимп.

Чтобы все расставить точки,
Путин стал рулить с «замочки».
Следуя его путем,
мы дружней, чем прежде мрем.

Дал нам праздник День Единства!
А кругом грабёж, бесчинство.
С этой властью и воръём
Эх, в «малине» заживем!

Вождь кричит: — В стране
стабильность.

преуспела нация

Знать в цене её ... дебильность
и властей стагнация.

Три уже в Руси напасти:
дураки, дороги, власти.
Ни с одной не совладать,
не укрыться, не удрать.

Наша местная-то Дума
нас дурачит, как Госдума:
тьму законов издает,
чтоб разбой чинить без шума —
люд дичает, пьёт и мрёт.

ЗАМЕТКИ

— Нету худа без добра — мудрецы
решили.
Ни поэтому ли беды в Русь так зачастили?

Вся жизнь в сюрпризах и, как знать,
придётся что с кого снимать.
Одно известно наперёд:
кто что посеет, то пожнёт.

Если роешь яму для друзей,
шире рой — окажешься сам в ней.

Ни мудрости, ни глупости предела нет,
на этом и стоит весь белый свет.

В мире Рубцова

О ЛЮБВИ

20-й век дал России много поэтов — замечательных, интересных, хороших, великих, общепризнанных, полузабытых и забытых вовсе, всяких.

Но лишь двое стали воистину народными — Есенин и Рубцов. Оба стали любовью России, символами.

Иной человек, может, и не читал Есенина (ну, песню про клён-то, всякий вспомнит), а спроси: «Любишь?» «Люблю», — ответит. И ответит искренне.

Находились и находятся, конечно, и такие, что открыто говорят: «Не люблю». Таких и русскими-то не считают, да и они об этом не жалеют. Но это всё-таки редко. Чаще — прилюдно в любви к ним признаётся, а тайно ненавидит. Всю Россию ненавидит, ну и Есенина с Рубцовым, как её выразителей.

И всё же, за редкими исключениями, любят их, любят как никаких других поэтов.

В чём же дело-то? Почему именно они — избранники?

Мне кажется так: оба не только стихи прекрасные писали (у обоих, кстати, при желании, можно раскопать и слабые стихи), но и прожили судьбу своего народа в своё время и отразили эту судьбу в своих стихах и в жизнях, судьбах своих.

Есенин предсказал и в стихах и в жизни исход крестьян из деревни и вырождение их в городах. С какой любовью о деревне писал (ну, например: «Там, где капустные грядки красной водой поливает восход, кленёночек маленький матке зелёное вымя сосёт».) Ачтo в городе? «Москва кабацкая», «Исповедь хулигана»...

У Есенина всё же был крепкий деревенский тыл («Ты жива ещё, моя старушка...»). У Рубцова и этого не было. По-настоящему деревенским человеком он никогда не был. Детство в детском доме, пусть и деревенском, это не детство в семье. Да и семья-то была, видимо, городская. Родители в Вологде жили, в Емецке, где и родился мальчик Коля, и отца он потом опять же в Вологде нашёл...

Рубцов отразил в поэзии и прожил сиротскую и бездомную русскую судьбу. Может, кому-то это покажется «слишком», но — всё это нынешнее «бомжевание», Рубцов предсказал и прожил ещё в 60-е — 70-е годы.

Есенин показал начало (не явления, а понимания явления) смены архаической, крестьянской, деревенской культуры машинизацией, индустриализацией. «Милый, милый, смешной дуралей. Ну куда ты, куда ты гонишься? Неужель ты не знаешь, что живых коней заменила стальная конница».

Рубцов уже жил в этом процессе, да ещё не укорёнённый сам-то ни в деревне, ни в городе. «Меня всё терзают грани меж городом и селом». И совсем уж пронзительно: «Не купить мне избу над оврагом и цветы не выращивать мне». Хотя мог бы уже и домишко купить, гонорары уже позволяли. Мог бы купить, а жить бы не смог в том доме... И не смог! Алексей Башкиров, автор лирических миниатюр, в одной из них хорошо написал: «И Рубцов и Есенин погибли в городах, в родных полях их никто бы и пальцем не тронул». Верно. Но не жилось им в полях-то! Вот в чём дело-то. Никто же не гнал их в города — под архангельский дождик или в Москву кабацкую... Да и многое, кажется, сами себе выдумали, все эти страда-

ния... Ноне выдумали! Потому что душа есть, и душа — болит. А у поэта особенно — за всё и за всех болит. Воистину: «Никто же их не бияше, сами ся мучаху». И в этом тоже наше, русское, отразили. И за это их любим.

Пили оба. Чем и дали повод для обвинений в пьянстве и алкоголизме. Обвиняют. Есть такие любители, даже из числа «ведов». Но скажите, поборники трезвости, может ли русский, да к тому же поэт, написав, ну, например: «... нёс я за гробом матери аленъкий свой цветок», — не садануть стакан?.. Может, конечно, и не садануть. Но какое же усилие надо для этого приложить... Пьянство, конечно, беда. Наша, русская. Ну, что ж — и здесь они наши.

«Скандалы». Оба отметились. Есенин и нарочито славу «скандалиста» о себе поддерживал (ну, хотелось ему так), о Рубцове «свидетельства» имеются... Да что ж за скандалы-то, если под суд не попали? Рубцов, кажется, раз пятнадцать суток отсидел... И это скандалисты и хулиганы?.. Тут уж больше легенды, не на пустом месте, конечно, родившиеся...

Один нынешний вологодский журналист, тоже «ведом» себя считающий, прямо написал в газете местной: «... надо обязательно различать Рубцова поэта и Рубцова человека». Поэт, мол, великий, а человек — «мягко выражаясь, не образец для подражания». Будто бы сам этот «вед» — образец чистейшей прелести. И будто бы Рубцов шизофреник какой-то, раздвоением личности страдавший. Нет — Рубцов-поэт от Рубцова-человека неотделим. И Есенин также. И неотделимость эту они доказали своими песнями, своими судьбами, гибелью своей... Вот с такими, как тот журналист-«рубцововед», Рубцов, конечно, в драку лез. Потому что мы, русские, не любим таких... (ладно, не буду ругаться).

И перед обоими, как по большому счёту перед каждым русским, стоял главный вопрос — вопрос веры.

Есенин вначале всеобщего безверия, официально провозглашённого, и, надо признать, в довольно большой части народа поддержку получившего (причины этого — отдельная большая тема), писал: «Стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь». Значит, всё же верил. Но как уже изломана вера та была!

Рубцов же родился и жил в эпоху побеждающего (официально) атеизма (да ещё жил-то в детдоме, где даже семейного или какого-нибудь соседского влияния религиозного не мог испытать).

Но ведь вера-то на самом Деле из жизни народной никуда и не уходила, оставалась она и в повседневной жизни, в деревнях особенно — и иконы были в домах, и в церковь ходили, и детей крестили; и в литературе русской, конечно, оставалась она (куда ж её денешь-то!), а литературу-то во всех школах учили. Да ведь и душа-то, душа-то — живая, Бога всегда знающая. Вот и слышал Николай Рубцов «незримых певчих пение хоровое», и хотя ещё не жалел о «растоптанной царской короне», но жалел о «разрушенных белых церквях». Ведь не как о памятниках архитектуры жалел. И знал, что «всякому на Руси памятник добрый — крест».

И тут, в основном, они наши, свои, родные...

И всё же — были ведь Блок, Маяковский, Пастернак, Заболоцкий, Твардовский (в «Василии Тёркине» приблизился он к народной славе, но, будем честными, ни до есенинской ни до рубцовой славы и всенародной любви не дотягивает), Передреев, Бродский в конце-концов (всякий может расширить этот список по своему разумению и вкусу). Но двое — Есенин и Рубцов — любовь наша, безоглядная и всепрощающая любовь... Почему они-то? Тайна сия велика есть. И в

тайне этой — великая милость Божия к нам, русским. Милость, подобная той, что не позволила Пушкину (первой, иногда и неосознаваемой даже, любви нашей) стать ни убийцей, ни самоубийцей.

Дмитрий Ермаков
г. Вологда

ЛЮБОВЬ И НЕЖНОСТЬ

Наша газета уже не раз рассказывала о творчестве Марины и Андрея Кошелевых — москвичей, влюбленных в поэзию Николая Рубцова и вологодские края. Они сделали немало замечательных фотографий Вологды и Тимонихи, Никольского и Тотьмы... Марина и Андрей обошли, кажется, всю Вологодчину. И рассказали о ней в своих работах.

Супруги Кошелевы не просто фотографируют; авторы называют свои произведения фотосюитами. В них текст и изображение дополняют друг друга, что-то по-особенному высвечивая. Более того, кажется, слово и изображение, соединенные любовью и нежностью, рождают музыку. Негромкую, но очень красивую...

Помните у Рубцова: «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто...» Вот и Кошелевы стараются услышать эти звуки — и часто у них получается. Ну, а потом они помогают слышать пение рубцовской души и нам. Их работы представляются на выставках, публикуются в журналах, буклетах... Заветная мечта — альбом. Большого формата, отлично напечатанный. Пока это только мечта, но — кто знает...

Выставки Кошелевых проходили и в Москве, и в нашей области, их работы представлены в экспозиции рубцовского музея и в Вологде. Совсем скоро коллекция кошелевых работ будет выставлена в Государственной Думе. Выставка «Что вспомню я?», которая откроется 13 июня, подготовлена при помощи Вологодского землячества в Москве и Союза писателей России. Кошелевы благодарят всех, кто помог, а особенное спасибо — председателю землячества Валентину Купцову, членам правления Вадиму Дементьеву и Полине Рожновой.

«КС»

ИЗ ФОНДОВ ВОЛОГОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Наброски Рубцова:

* * *

Дед, хоронясь от выюги,
Рад, если домик купит...
Ласку своей подруги
Юноши больше любят.

* * *

...И от приступа чувств
закружилась чуть-чуть голова.
Я тихонько бренчу
на расхлябанной старой гитаре,
под какой-то мотив
на ходу подбирая слова.

Записал Виктор Бараков
Публикуется впервые

Вилиор ИВАНОВ

ПАМЯТИ ПОЭТА

Догнивает на мели
Лодочка речная,
А над ней гудят шмели,
Устали не зная.
За витком — еще виток:
Рядом с плоскодонкой
Вспыхнул аленъкий цветок
На травинке тонкой.
Бьется ржавая волна
О корму гнилую,
Словно ищет для челна
Глубину былую.
А шмели вокруг цветка
Мчат гудящим роем,
Но нектар из лепестка
Выбирают трое...
А Рубцов, налив вина,
У речного борда
Говорит мне: «Пей до дна!
С нами здесь природа!»
...Этот скромный уголок
Поженки приречной
Шаёт, словно уголек,
В памяти сердечной.

г. Бабаево

Наталия ТРОФИМОВА

ПАМЯТНИК РУБЦОВУ

Памятник поставили Рубцову
В сквере возле Вологды-реки.
Здесь не раз его звучало слово,
Он друзьям читал свои стихи.

В «Поплавке» распив бутылку водки,
Шел поэт домой писать стихи
И пугал нетвердою походкой
Девушек, гулявших у реки.

А поэта Муза провожала
И ему дарила вдохновенье.
В ресторане на речном вокзале
Начал он писать стихотворенье.

Шел поэт в тот вечер отрешенный
От забот, хлопот и дел земных.
В этот город, в этот мир влюбленный,
Он в стихах хотел прославить их.

Вологда спала под лунным светом,
Мотыльки кружили над рекой.
Очень нелегко жилось поэту —
Все на сердце грусть да непокой.

Каменный, он смотрит на причал.
Старый «Поплавок» уплыл куда-то,
И совсем не тот речной вокзал.
Но прекрасны над рекой закаты.

Наши гости

НУНД 2002

ГРЯЗОВЕЦ — 2006 ГОД

Галина БРЯНЧИНА

ИСТИНА

Истина светилась изнутри,
Но была она неуловима,
Мне хотелось обрести, найти
И понять ее, чтоб стать счастливой.
Я гналась за нею по пятам,
А она тихонько ускользала,
Оставляя только тень свою,
Чтоб ее я вечно догоняла.
В гости приглашала, но ... увы,
Обмануть меня всегда умела
И смеялась молча надо мной
В колпаке шута и в платье белом.
А когда ее искать устала я
И вкушать уж больше не хотела,
Истина у ног моих легла,
Чтоб в любви я истинно прозрела.

* * *

Бегу по скользкой лестнице,
Цепляясь за перила.
Волною повседневности
Меня опять накрыло.

В плену у неизвестности,
Где все пути размыты,
С привычной отрешенностью
Краски смысла скрыты.

Меня тревожит тайною
Язык шершавый неба.
Душа пугливой птицею
Хватает крошки хлеба.

Повеса-жизнь защелкнет,
Смеясь, браслеты вечности.
Благодарю за счастье быть
В гостях у бесконечности.

Людмила ДАНИЛОВА

* * *

Весь день из сата сеет
Занудный дождь осенний.
Промозглый дует ветер.
Царит тоска на свете.

Но в осени печальной
Мне видится, не скрою,
Свое очарованье,
Незримое порою.

Уныние и стужу
В осеннем дне мы видим,
Подчас за грязь и лужи
Его мы ненавидим.

А нужно присмотреться
Внимательно с душою,
Чтобы открылось сердцу
Видение иное.

Александр ДУБИНИН

* * *

Рыжая кобыла.
Белый лоб.
Облака застыли,
Любоваться чтоб.

Уbraneное поле.
Круглое живье.
Колобок на теле,
Сердце ли мое?

Красная кобыла.
Алая стерня.
Солнышко остыло.
«Вспоминай меня!»

Синяя кобыла.
Белый хвост.
Сто гвоздей забила
В мировой погост.

* * *

Застрелились два цыгана
Из казенного нагана.

Прямо здесь на берегу...
Я их память сберегу!

Схоронили где-нибудь.
В чистом поле ни кусточка.

Ветер только. Оболочка.
Облачков живая ртуть.

Вера КАПУСТИНА

ОСЕНЬ

Осенней грустью лес обят,
Туман по луговине вьется.
Росинки на траве звенят
И утро радостно смеется.

Мир громогласный, помолчим!
Душа замерзла и устала,
Трепещет от дождинки малой
И дуновенья ветерка.

Мир громогласный, помолчим!
Давай послушаем поэта,
Его элегии, сонеты...
Или поплачем вместе с ним.

Наталья ЛЕБЕДИНОВА

ТИХОЕ СЧАСТЬЕ

Розовый свет абажура,
Кухни уютной тепло,
Пляшет рисунок ажурный
Бликами под потолком.
Чайник гудит потихоньку,
Сумерек синь за окном.
Как хорошо рядом с мужем
Просто побывать вечерком.
Выпить горячего чаю
И ни о чем поболтать,

Спящего сына проведать,
Модный журнал полистать.
Вот оно тихое счастье:
С милем в обнимку уснуть,
Утром проснуться счастливой,
В новые сутки шагнуть.

Татьяна КОНОВАЛОВА

РАССТАВАНЬЕ

Дверь негромко захлопнулась —
Ты ушел...
Снова одна, в этой комнате —
Стул, да стол,
Книжек полочки,
Куклы в ряд,
Ты ушел, кто же, кто же
Тут виноват?
Просто мы с тобой побывали,
В той стране, где любви не бывало.

ГРУСТЬ

Все грущу о прошедшем лете,
За окошком идет маленький дождь,
Хорошо, что ты есть на свете! —
Хоть и знаю, что не придешь!
Все мечтаю о счастье далеком я,
Верю в то, что любовь есть высокая,
Но не спится мне темною ночкою,
Знать по жизни мне плыть одиночкою...

Илья КОРНЕВ

* * *

Уста младенца истину глаголят.
В словах нет лести, лжи и клеветы.
Последствия от фраз не беспокоят
И помыслы души его чисты.

Душа ребенка — вспаханное поле,
Что бросишь в землю — то и уродится.
В заброшенном — для сорняков
раздолье,
В ухоженном пшеница золотится.

Известно в жизни много исключений,
Когда бывает все наоборот.
В семье у бедных — вырастает гений,
А у богатых — фирменный урод.

Елизавета ЛЯЛИНА

ДОРОГА К ХРАМУ

*Стихи написаны, когда строился
новый Храм в Грязовце*

Заметает снегом стылым
Небольшой наш городок...
В самом центре, на могилах
Воин каменный продрог...

Снег да ветер, газ по трубам.
Впереди — жестокий мир.
Воют волки по болотам,
Как загруженный эфир.

В мрак тоски спешить не буду,
Не пойду и в темный лес.
А порадуюсь я чуду:
Купол розовый воскрес!!!

Добрый лучик из Вселенной
От неведомой звезды
Упадет сквозь тьму на землю
С небывалой высоты...

Он помянет, обогреет
Всех погибших грязовчан.
В храм дорогу поскорее
Надо бы найти и нам...

Всех погибших вспомнить надо.
Помолиться не спеша,
И у воина седого
Отогреется душа...

Изданиес

ПОЭТА ЗОВУТ ЮРИЙ ФАТНЕВ

В аннотации к одному из поэтических сборников Юрия Фатнева было сказано: «Может, впервые после гибели Сергея Есенина, Павла Васильева и Николая Рубцова, последних великих поэтов России,— к нам приходит такой самобытный поэт, равный им по мощи поэтического дара, по безоглядной смелости, по проникновенной интонации».

Кто хорошо знает многогранное творчество Юрия Сергеевича Фатнева, тому такая высокая оценка представляется вполне заслуженной и обоснованной.

Судьба всю жизнь жестко и жестоко испытывает на прочность выдающегося русского поэта и художника Юрия Сергеевича Фатнева. Вероятно, у нас только так и выстраиваются настоящие творческие биографии больших творцов.

Сначала война отобрала у Юрия Фатнева детство, затем военные лишения в оккупации приковали его на долгие годы к больничной койке. Но сын политрука Советской Армии оказался крепким орешком и сумел победить недуг.

В больнице Юрий Фатнев и начал писать стихи. В семнадцать лет в печати появилось его первое стихотворение «Россия», ставшее программным на всю жизнь.

Вскоре на творчество Юрия Фатнева обратил внимание живой классик Самуил Яковлевич Маршак. Благодаря его авторитетной поддержке стихи молодого поэта не только появились в московских газетах и журналах, но и вышли отдельной книжкой.

Юрий Фатнев опубликовал 12 поэтических сборников, ряд романов и повестей на исторические темы. Казалось бы, вполне успешная творческая судьба и биография. Но на самом деле живется сейчас поэту очень трудно. Увы, такова участь в нынешнее безвремене большинства творческих людей, брошенных на произвол судьбы.

Слава Богу, поэтическая исповедь Юрия Фатнева продолжается, вопреки всем трудностям и невзгодам. Оптимизм и надежду вселяет поддержка замечательного поэта белорусской власти. Сначала вышел ряд книг Юрия Фатнева при поддержке Гомельского горисполкома и отдела культуры, а в минском издательстве вышел замечательный поэтический сборник «Сны Земли». В него, кроме одноименной Оратории, вошли прекрасные поэмы «Перевозчик», «Внуки Даждьбога», «Лебединая песня» и «Звонари». Сейчас в Минске готовится к печати уникальный роман поэта об Авторе «Слова о полку Игореве». Подготовил Юрий Фатнев и новый сборник стихотворений «Волчья песнь».

Наши читатели впервые знакомятся с поэтическим творчеством выдающегося русского поэта. Поэтому мы выбрали такие стихотворения Юрия Фатнева, которые дают представление о тематическом разнообразии поэтического высказывания упорно замалчиваемого в России русского Поэта.

Виталий Бакуменко

Юрий
ФАТНЕВ

РЕКВИЕМ

Что так темно? Так тоскливо?
Кажется, вся моя жизнь
Стала плакучею ивой —
И не взметнуться ей ввысь.

Плачу о всех убиенных,
Вмерзших навечно в снега.
Русские вы иль чечены?
Не различаю врага.

Все, кто до срока не живы —
Братья и сестры мои.
Плачет о всех моя ива
Всеми слезами Земли.

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ ЖУРАВЛИ

Фонари над вечерним проспектом
Острым клином сомкнулись вдали.

Ну а мне показалось, что это
Снова рвутся домой журавли.

Что-то сердце внезапно сжимает
И не видеть мне больше удач.
Слышу в небе Европы, Китая
И Америки плач, русский плач.

Плачут в небе бездонной колодца
Заблудившиеся журавли.
Это русским стихам не живется
На просторах родимой земли.

Что же в мире творится такое?
Век двадцатый, меня вразуми:
Почему все поэты — изгои
И особенно русские — мы?

Сон один сколько лет уже снится,
Безразлично скитаюсь я где:
Все курлычат, зовут меня птицы,
Растворяясь в ночной темноте.

От хмельного весеннего пара
Кругом головы сосен пошли.
Где-то там возле Дятлович
Старых
Замирают мои журавли.

Много видели и пережили
Эти птицы в далеком kraю.
И теперь каждым взмахом их
крылья
Обнимают сторонку свою.

Не прожить на Земле нам без боли.
Неизвестная даль нас зовет.
И меня журавлина доля
Каждый раз увлекает в полет.

Ну, куда эти птицы седые?
Ну, кому это чувство вины?
Что поделаешь, если России
Не нужны мы совсем, не нужны...

Если где-нибудь над океаном
Смолкнет стон среди белого дня —
Журавлиное сердце нежданно
Разорвалось в груди у меня!

* * *

Нине Шкляровой

Заметают, заметают, заметают
Жизнь мою роскошнейшие листья!
Улетают, улетают, улетают
Журавли! Надеются на пристань.

Все лишенья, все лишенья, все
лишенья
Вы стряхнули — только небо
огласили.

Даже тени, даже тени, даже тени
Ваших крыльев не касаются России.

Вы пророгли, вы пророгли, вы
пророгли,
Будто лед вам сковывает силы.
Упадете где-нибудь на полдороге,
Ах, не в шелест зарослей у Нила!

Сил не хватит, сил не хватит, сил
не хватит!
Но по горло родиной вы сыты.
Не рыдайте, не рыдайте, не рыдайте!
Мы пока еще, пока еще в зените!

Заметают, заметают, заметают
Жизнь мою роскошнейшие листья!
Улетают, улетают, улетают
Журавли мои последние на выстрел!

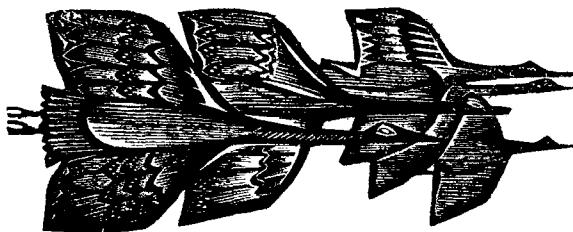
Только пуля, только пуля, только пуля
Срежет тех, кто родиною сыты...
Этот миг не стоит караулить.
Мы пока еще, пока еще в зените!

* * *

Цветные капельки тумана
Мне оседают на лицо.
Я растворяюсь в новых странах,
Приснившихся перед концом.

Не знаю, кто я: Рейн иль Сена?
Но баржи сквозь меня плывут.
И становлюсь я постепенно
Европой. Жить отныне тут.

Пусть из окна моей мансарды
Не виден силуэт Кремля.
Прощаться с родиной не надо.
Россия — это там, где я.

Критика и публицистика

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Книга прозы Алексея Леонова (1929–2005)* готовилась писателем к изданию в мае прошлого года, к 60-летию Победы, но вышла осенью и стала посмертной для автора.

Алексей Данилович Леонов родился на Орловщине, жил в Ленинграде, но душою оставался в селе, его повести и рассказы посвящены деревенской России. Народная речь, которой наполнены его создания, определяет все. Впрочем, язык его произведений менялся со временем. Просматривалась тенденция к упрощению, стали появляться публицистические вкрапления, вошла в художественную плоть новая лексика. Но все это не отменяло главного: звучащего «полновесного русского слова», оцененного в свое время Федором Абрамовым. И в этой книге Алексея Леонова звенящая русская речь — самое значительное, но не единственное достижение.

У героев А. Леонова есть то, что делает человека человеком — есть совесть, которая не молчит, а буквально воплит в душе, но эта совесть больна, ей недостает настоящей, церковной опоры, и потому так катастрофичны жизненные пути персонажей, расплачивающихся за собственные грехи: жестокий обман Егора Дышлина, бросившего невесту и нерожденного ребенка (повесть «Гусиные крики»), «двоеженство» капитана Лазарева, из-за которого накладывает на себя руки законная жена (повесть «Австрийская коса»), позднее прозрение Александра Васильевича, покрывавшего разрыв (рассказ «Директор бани»), нравственное затмение деда Казанка, на старости лет не устоявшего перед женской красотой и коварством (рассказ «Высокий порог»), бесплодие Клавдии, пустившейся после смерти мужа «во все тяжкие» (рассказ «Душа хворая»), неприкаянность Феди, ставшего бомжом по собственной воле (цикл рассказов: «Тьма бездны», «Федя и Дина», «Черный бант разлуки», «Тихе и Федя»). Нравственный закон «жесток» (если следовать человеческому разумению), воздаяние за преступление неотвратимо, но такой ход жизни предопределен не людьми, а Богом, и если сам человек не желает нести ответственность перед будущим, тогда его доля станет горькой уже сейчас.

Чем дальше от нас уходит советская эпоха, тем милее нам все лучшее, что было в ней. Но мы должны понять, наконец: тогдашнее благополучное земное устройство (не чета нынешнему!) не сулило благоденствия за смертным пределом. В исключительных случаях советский человек мог проникнуть в мистическую сферу православия (обет молчания, принятый одним из героев А. Леонова, колхозником Темряковым), но подлинное покаяние и духовная дисциплина были уделом избранных.

Говорят, что «бабушки в платочках» уже тогда отмалили наши нераскаянные грехи... Видимо, нет, потому как только в последние десятилетия из нас стала выходить на свет Божий вся та мерзость, — и личная, и общая, — о которой мы в «застойно-благословенные» годы и не подозревали.

* Леонов А. Д. Высокий порог. — Орел: «Вешние воды», 2005. — 752 с. портр. ил.

Всем нам, хочешь — не хочешь, а придется преодолеть высокий порог между прошлым и будущим. И путь этот, как всегда, не будет легким и коротким, но станет (дай Бог!) спасительным.

Виктор Бараков

50 ПУБЛИКАЦИЙ В «АВТОГРАФЕ»

Творческой удачей тесного сотрудничества с вологодским литературно-художественным журналом «Автограф» я обязан известному русскому коллекционеру и одному из активнейших популяризаторов замечательного искусства экслибриса из Подмосковья Вячеславу Васильевичу Меркулову. На одну из наших традиционных встреч на Автовокзале в Москве мой давний друг и коллега привез из своей Черноголовки несколько номеров журнала «Автограф» со своими экслибрисными публикациями. Вячеслав Васильевич стал горячо рекомендовать мне принять активное участие в этом новом печатном органе вологодской писательской организации. Уговаривать меня было излишне, поскольку журнал мне с первого взгляда приглянулся и я сразу почувствовал, что «Автограф» сыграет большую роль в моей журналистской и коллекционерской судьбе. Ближайшие события превзошли все ожидания в этом смысле. Я говорю не только о том, что в течении двух лет в «Автографе» появились 50 моих публикаций на самые разные темы и я стал членом Общественного совета журнала и его лауреатом 2005 года, но и о том, что по рекомендации одного из издателей журнала В. С. Белкова мои статьи стали появляться в вологодских журналах «Хронограф», «Вологодский коллекционер» и в газете «Красный Север». В самом «Автографе» по моей рекомендации были напечатаны стихи В. А. Пронина, В. В. Покатова, А. Д. Тарасенко, Т. Ф. Черыговой, Я. А. Литвиненко, цикл эссе художника Н. О. Неймеша, статьи С. М. Харламова, В. В. Покатова, В. В. Кортовича, М. М. Верхоланцева. В Вологде стали выходить мои книги-альбомы на экслибрисные темы.

Но это одна сторона медали, как говорится. В Москве появилась обратная связь этого творческого сотрудничества. Пищущий эти строки опубликовал в знаменитом журнале «Юность» статьи о вологодских художниках В. И. Кунташеве, Е. А. Лебедеве, Л. Н. Щетиневе, Н. В. и Г. Н. Бурмагиных и подборки стихов В. С. Белкова, Е. С. Саблиной, Ю. М. Максина, М. Н. Сопина, В. И. Кунташева, К. А. Павлова, Н. Т. Бушенсва... Кроме того, подборки стихов М. Н. Сопина и Ю. М. Максима я опубликовал в замечательном альманахе «Академия поэзии», который издает «Московский писатель». По моей рекомендации появились отличные публикации В. С. Белкова и И. А. Подольского в новом роскошном альманахе «Библиофилы России», выходящем в московском издательстве «Любимая Россия» под редакцией А. П. Толстякова. Содействовал я также появлению в свет в издательстве журнала «Юность» великолепной книги лирики Юрия Максина «Навеки твой...» с прекрасными иллюстрациями Евгения Лебедева. Все перечисленные акции будут продолжены и впредь. Почаше судьба дарила бы нам подобные творческие связи и жизнь наша была бы несравненно содержательнее и интереснее.

Виталий Бакуменко

ТРОГАТЕЛЬНЫЙ ДОЦЕНТ

Светлой лирики, искренней душевности и в то же время высокой патетики, торжественности был исполнен прошедший в молодежном центре ЧГУ вечер, посвященный 30-летию работы в вузе и творческой деятельности Николая Тимофеевича Бушенева — доцента кафедры русского языка и культуры речи ФОГ и СЭД ЧГУ и известного в городе поэта. «Наша жизнь, как майский день, — заметил, открывая встречу, ведущий — проректор по воспитательной работе ЧГУ А.Н. Волков, — теплый и холодный, солнечный и дождливый, ветреный и тихий ... В ней плохое сменяется хорошим, светлое — темным. Но в памяти сохраняется только доброе и прекрасное ...» «В жизни нашего юбиляра, — отметил Анатолий Николаевич, — тоже было всякое. Но мы постараемся вспомнить только светлые страницы его бытия...»

Три череповецких десятилетия бывшего «брянского паренька» (а ныне кандидата филологических наук, автора почти 60 научных публикаций и 5 поэтических сборников) были интересными и насыщенными. Об этом помогли вспомнить друзья и коллеги поэта. Как начинал работать в пединституте и учился в аспирантуре — бывший декан педфака («Римской империи», по словам Н. Т. Бушенева) Римма Матюшова и «подруга по аспирантуре» — декан ФОГ и СЭД Светлана Кондрашкина. Как получил известность в кругу череповецких поэтов и «завоевал» диплом на литературном семинаре в Ярославле — бард Андрей Широглазов. Как философствовал на чердаке у Анохина (в преподавательском общежитии на Коммунистов) и добывал копейку на пропитание, подвизаясь на поприще ночного сторожа и разносчика газет, — сам Валерий Борисович и директор издательства «Порт-Апрель» Елена Белозёрова...

А еще было много цветов и поздравлений. Юбиляра чествовали специалисты Управления культуры Светлана Чернова и работник ЧерМО Татьяна Порохова, директор молодежного центра ЧГУ Ирина Розова и студентка года Анна Бледных, бард Николай Цветков и композитор Сергей Бондаренко, руководитель литературного музея ДД и ЮТ им. А.А.Алексеевой Валентина Чусова и ее воспитанницы, первые ученики и нынешние студенты, представители литобъединения сталепротягатчиков и даже местного казачества...

Особенно запомнились слова первых учениц Николая Тимофеевича — студенток педфака. «Мы очень любили Вас, хотя и, простите нас, шалили на Ваших занятиях и даже рисовали дружеские шаржи на Вас», — сказала одна из них. «Вы были такой необычный, деликатный, ... трогательный человек», — сказала смутившись, другая и расцеловала своего учителя.

Женщины дарили поэту цветы и признавались ему в искренней любви, а певица Вера Басова даже посвятила Николаю Тимофеевичу песню с характерным рефрином: «Любовь побеждает всегда!».

В заключение А.Н. Волков, блестяще проведший вечер, поздравил юбиляра от имени ректората и вручил ему часы с символикой ЧГУ и ручку — для написания новых стихов ... А растроганный поэт благодарил присутствующих за теплые приветствия ...

Алексей Новиков
г. Череповец

Виталий БАКУМЕНКО

ПОДВИГ МИХАИЛА СУРОВА

Да, именно такое определение приходит в голову уже при визуальном знакомстве с фундаментальным, поистине энциклопедическим изданием Михаила Васильевича Сурова «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства». Известный вологодский коллекционер Михаил Суров проявил недюжинное мужество и поистине русскую отвагу, решившись рассказать всю правду о страшной вологодской трагедии, произошедшей 19 января 1971 года. Эта книга — еще один уникальный памятник великому русскому поэту Николаю Михайловичу Рубцову.

Убежден, что многих эта книга будет шокировать и вызовет негативную реакцию. Ведь большинство людей боятся смотреть Правде в глаза, предпочитая смотреть на все через розовые очки... Таким людям не советуем раскрывать новую книгу о Рубцове. Тем же, кто давно хочет узнать Правду о том, что же произошло в Вологде в крещенские морозы в 1971 году, настоятельно рекомендуем тщательнейшим образом изучить уникальные материалы, многие из которых впервые опубликованы именно в этом издании. Хотя делать это очень тяжело и непросто. Слава Богу, что составитель этого исторического издания разместил на полях каждой страницы почти 800-полосного тома замечательные стихотворения Николая Рубцова. Они так здорово помогают восстанавливать душевное равновесие, которое нарушается при прочтении огромного количества потрясающих до глубины души документов и фотографий. Причем стихотворения Николая Рубцова так подобраны и выстроены в книге, что являются прекрасным комментарием повествования. В этой роли в большинстве своем они воспринимаются так, словно ты читаешь их впервые. У пишущего эти строки под впечатлением прочтения стихотворений Николая Рубцова на полях книги М. В. Сурова возникла идея написать еще один цикл песен на стихи великого поэта. Цикл будет называться «Я уйду в березовую даль...» и он будет посвящен Михаилу Васильевичу Сурову.

Книга М. В. Сурова дает ответ и на давно возникший у многих поклонников великого русского поэта вопрос. Мы уверены, что ни при каких обстоятельствах убийца поэта не могла сама одолеть матроса Северного флота Николая Рубцова, у нее был пособник, приехавший в Вологду выполнять «социальный заказ»... В книге есть несколько его фотографий и назван явный псевдоним... Эта вымышленная фамилия всплыла на суде в Вологде, но ее носителя почему-то не оказалось на месте и никто до сих пор не предпринял попытку найти его. А убийца Рубцова сама проболтала во время следствия лживой историей о «командоре»... И в ее мемуарах описан ночной визит «командора» и фальшивый «киспуг» мемуаристки... Она «киспугалась» только потому, что ночной гость явился раньше установленного времени — до того, как она должна была стать законной женой поэта... Все эти рассказы мемуаристки — сплошная ложь и выдумка. Просто «командор» спутал ей все карты — вот и все...

Неотразимо в книге М. В. Сурова показаны все участники и свидетели той вологодской трагедии. Ими стали все, начиная от коллег-писателей поэта и заканчивая соседями Николая Рубцова. Этот коллективный портрет — красноречивее всех слов. Он еще раз подтверждает мысль, что главная причина всей нашей несурзной жизни заключается в нас самих. Какие мы — такова и наша жизнь. Многие

участники и свидетели того страшного события теперь, спустя годы, заговорили по-другому, но это уже ничего не меняет. Суд истории сказал свое слово. Хотя этот факт и вносит свою лепту в понимание, что человеческое вероломство и вечное стремление выдать желаемое за действительное — беспредельно.

Не будем детально рассказывать о новой книге, посвященной великому русскому поэту Николаю Михайловичу Рубцову, читатели сами имеют прекрасную возможность познакомиться с этим замечательным изданием.

В своем обращении к читателям книги «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства» ее автор пытается нас убедить, что он не только не рубцововед и не рубцовофил, но даже не рубцоволюб... Уже само это обращение, страстное и публицистическое по своей сути, доказывает обратное. Выпуском в свет этой книги Михаил Васильевич Суров совершил героический гражданский и человеческий подвиг, который достоин быть отмеченным республиканской литературной премией имени Н. М. Рубцова «Звезда полей».

г. Москва

* * *

Вологодское региональное отделение Союза писателей России и департамент культуры Вологодской области объявляют о проведении областного семинара молодых писателей. Семинар будет проходить с 23 по 25 ноября 2006 года в помещении Вологодской областной государственной филармонии им. В. А. Гаврилина (г. Вологда, ул. Лермонтова, 21). Руководители семинара (секция прозы и секция поэзии) — известные вологодские писатели и писатели из Москвы.

Рукописи для участия в областном семинаре высылаются в 3-х экземплярах по адресу: 160035, г. Вологда, ул. Герцена, 36, Вологодская писательская организация, с пометкой «На семинар». Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Оргкомитет

РУССКИЙ ГЕН КРЕПЧЕ СТЕН

Уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков проводилось в 193 странах мира американскими учеными по заказу общественной организации March of Dimes («Марш медяков»), занимающейся помощью детям с врожденными недугами. Результаты исследования показали, что генетическое здоровье нации в России до сих пор остается одним из лучших в мире.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Н. Бушенев. Стихи, журнал «Юность», № 4, 2006.

К. Павлов. Стихи, журнал «Юность», № 4, 2006.

В. Бакуменко «И что я русская — горжусь!», «Юность», № 4, 2006. Статья о творчестве Е. И. Кузнецовой, весь номер журнала иллюстрирован ее экслибрисами.

«Книжные знаки писателей-вологжан», буклет, Вологда, 2006. Составитель Вяч. Белков. Издается впервые в России и в Вологде.

Николай Матвеев «Ода на времена года», стихи, г. Бабаево, 2006. Художник А. Башкиров, редактор Ю. Епифанов.

Юрий Максин «Навеки твой...», лирика, Москва, 2006. Новая книга известного поэта из Устюжны.

«Автограф», журнал, № 43, 2006. Авторы номера — А. Климов, Ю. Максин, Е. Саблина, В. Бакуменко, композитор И. Белков и др. Лауреаты журнала А. Цыганов и Н. Неймеш.

Виктор Тихонов «К истокам», стихи разных лет, Ростов-на-Дону, 2006. Новая книга талантливого поэта.

«Автограф», журнал, № 44, 2006. Среди авторов — Н. Переслегина, О. Александрова, Ю. Епифанов, Н. Бушенев, К. Павлов, Вл. Солоухин, А. Грязев, М. Сопин, Г. Смелова, Ю. Воронов и др.

В. Белков «Сто историй о Рубцове», фрагменты, журнал «Юность», № 5, 2006 год.

Геннадий Штыков «Май в октябре», стихи, Грязовец, 2006. Тир. — 110 экз.

Евгений Семичев «Небесная крепь», стихи, Самара, 2005. Автор нескольких сб. стихов, член СП России.

Короткая проза

Николай БУШЕНЕВ

Наука обижать.
Обедованная земля.
Повесть о нестоящем человеке.
Хаотическая вольность.
Ор фей.
Пришёл, обидел, прокутил.
Пусть сильнее крякнет Боря.
Раз пни — Его!.. (о результатах выборов)
Регалии должны быть объявлены честным делом.
Скоро, бля, на бал (новорусск.)
SOS, с трахом и трепетом (новорусск.)
Страна неограниченных невозможностей.
У дядюшки всякого товару бякого.
Досадная империя.
Фига рай здесь, фига рай там! (новорусск.)
Пост-Егоровы штаны во все стороны рваны.
Приехали в Огрехово.
Тихо едешь — дальше беды.
«Дума» без ругни не бывает.
Без одёжки протягивай ножки.
Раздетая в пух и прах, как кретинка.
Одного поля ябода.
Хаму на Руси жить хорошо.

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Номенклатурное Гуляй-Поле — вся Россия.
У наших государственников раньше дела — большая ложка за голенищем.
Чиновники сами себя крышуют.
Денежная социалка — мнимость «Социального государства». Сама громоздкость системы выплат предполагает произвол чиновников.
Посредственность — знамя нынешней олигархии.
Перефразируя Платона: невежество — аргумент произвола.
Контролировать все и всех. Не сходя с места, извлекать максимальную прибыль для себя. Совокупно это называется: «Управлять страной».
Чиновник убежден — деньги нам ни к чему.
Тяжелая работа у зеркала — отвечать за каждую кривую рожу.
Только Россия может себе позволить Андрея Платонова в дворниках.

Для «...низкой жизни» есть «Мудрое число» (Н. Гумилев). Для вселенского творчества — небо Нового Завета. (Не совсем точно — Н. Бердяев). Вряд ли чего «Устроится» (Достоевского словечко) да и зачем? Дар творчества завершает человека, а не человечество. Венец творения есть человек, а не человечество. Иисус и есть завершенный человек без всяческих чудес. Всяческие чудеса принадлежат человечеству. Коммунизм, например.

Полноценно употребить гармони, может только сам художник. Вполне филистерское занятие для него. Улица пусть корчится. Она не доросла, да и никогда не дорастет.

Важнее факта — тенденция.

Артем БАБИЧЕВ

СПОР

Разговаривают двое. Все их мысли в перьях. Слюна у обоих брызжет и порой напоминает чернила.

— У тебя ни таланта, ни денег нет. Не ходи ты в литературу, как бездарность бездарности говорю.

— А если у меня это смысл в жизни?

— Живи без смысла.

— Как?!

— Не знаю, но миллионы людей живут и без него.

— Мне не ходить, а тебе в литературу можно?

— Я туда уже вошёл и оставил след.

— Наследил значит, а кому-то после тебя убираться.

— Ты на что намекаешь?

— На чистые полы.

— Не понял!

— Читатель поймёт и рассудит.

— Но его ещё найти надо.

— Да уж, он от нас сейчас далек.

— Или мы далеки от читателя?

— С какой стороны посмотреть...

Тут прилетели музы и развели спорщиков по своим углам. Там музы дали им вдохновения и спорщики забыли на время про свой спор. А кто из них прав? Время покажет, если снизойдёт до них. Сейчас же они оба правы.

В ВИННО-ВОДОЧНОМ МАГАЗИНЕ

Боря зашёл в винно-водочный магазин. Глаза разбежались от ассортимента. И главное весь ассортимент можно потрогать и взять самому. Заплатив естественно, а то охрана на выходе...

Хоть Боря трезвенником не был. Да и денег в кармане было не так уж мало. Но Боря ошелел от невиданного изобилия. Подошёл к прилавку и попросил «Трою». Не знаете, чем это мне напоминает ситуацию в нашей культуре?

Графика

Виталий БАКУМЕНКО

СИНТЕЗ ТВОРЧЕСКИХ ПАРАБОЛ

Известный русский художник и поэт Валерий Владимирович Покатов родился 17 сентября 1946 года на благословенной можайской земле. Это обстоятельство многое определило в его жизни и творческой судьбе. Родная деревня художника Корытцево находится неподалеку от легендарного Бородинского поля и это не могло не оказать влияния уже на генетическом уровне на формирование мировоззрения и творческих устремлений одаренного сына учителя местной школы Владимира Архиповича Покатова. Уже в раннем детстве Валерий проявил способности в сочинении стихов, рисовании и в музыке.

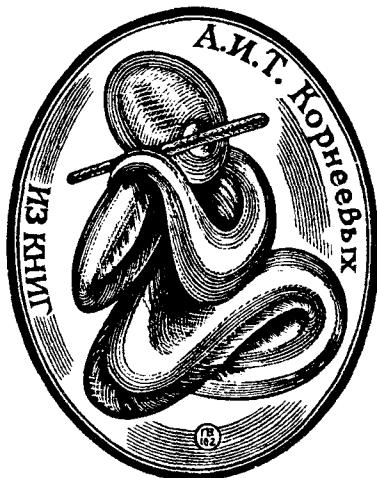
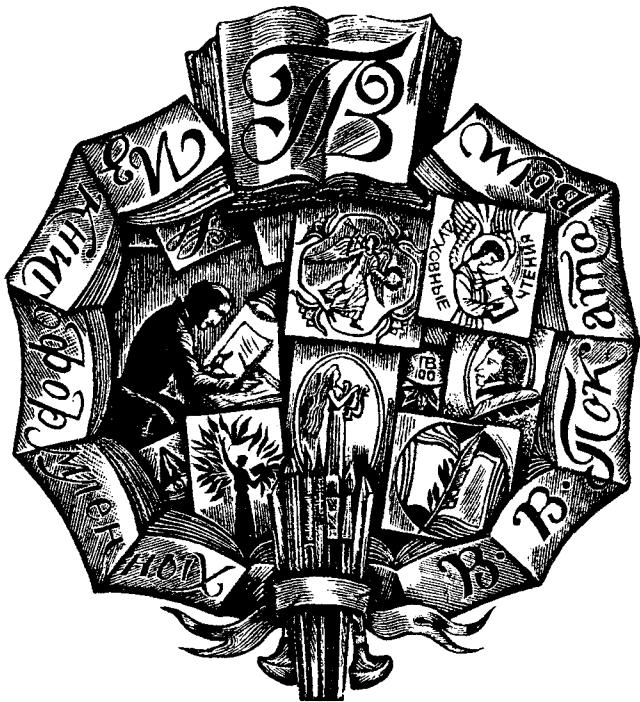
Жизненные университеты после окончания средней школы начинались в армии. Там старшина роты Покатов много рисовал и настолько преуспел в этом, что получил поручение вести занятия в студии самодеятельных художников. После демобилизации, прежде чем поступить в Московский Полиграфический институт, Валерий Покатов прошел основательную трудовую школу. Трудовая закалка очень пригодилась в годы учебы на факультете художественно-технического оформления печатной продукции, где Валерий Покатов начал осваивать трудоемкую технику — гравюру на дереве.

Первые опыты Валерия Покатова в ксилографии были как раз в построении композиций книжных знаков. Это была хорошая школа в постижении «тайн и секретов» искусства с многовековой историей.

Еще в студенческие годы Валерий Покатов получил приглашение на работу в столичном книжном издательстве «Современник». Более двух десятилетий он был там художественным редактором. Через его руки прошли тысячи книг, которые под руководством Валерия Покатова иллюстрировали многие художники. Сам Покатов оформил и проиллюстрировал более 300 книг. Художник является создателем ряда новых книжных серий. Наиболее известные среди них — поэтическая серия издательства «Летопись» «Мир поэзии» и прозаическая серия издательства «Современник» «золотое перо России».

Кроме книжной графики и эскизбров Валерий Покатов создает станковые работы, уникальную портретную галерею классиков мировой литературы, занимается живописью. Всю жизнь художник пишет стихи. Он и в этой области творчества добился больших успехов. Стихотворения Валерия Покатова публикуют столичные журналы и альманахи. Сейчас готовятся к печати его поэтические сборники.

Свой юбилей Главный художник московского книжного издательства «Пашков Дом» Валерий Владимирович Покатов встречает с выдающимися творческими результатами во всех рубриках своей многогранной деятельности. Особенно значительны достижения большого мастера в книжной графике и эскизбристе. В этих жанрах изобразительного искусства В. В. Покатов является одним из самых ярких и последовательных продолжателей классических тра-

даций, фундамент которых заложили в прошлом веке Владимир Андреевич Фаворский, Алексей Ильич Кравченко, Федор Денисович Константинов и другие выдающиеся мастера. Самое большое влияние на творческий поиск Валерия Покатова оказал Ф. Д. Константинов. Великий русский художник пристально следил за каждым шагом Валерия Покатова в постижении тонкостей искусства графики. Константинов прекрасно понимал, что именно Покатов понесет дальше эстафету школы Фаворского. Константинов и передал из рук в руки эстафетную палочку Валерию Покатову. Константинов написал и рекомендацию для вступления в Союз художников Валерия Покатова. В ней он особо отмечал, что иллюстрации Покатова очень соответствуют стилю, содержанию и эпохам иллюстрируемых им книг, обогащая их содержанием и красотой книжного искусства, выраженного в его разнообразных и сложных композициях, тонко и старателен награвированных на высоком профессиональном уровне. Ф. Д. Константинов также прекрасно понимал какое огромное значение в творчестве художника имеют человеческие качества личности. Поэтому в рекомендации особо отметил скромность, честность, доброту, порядочность, интеллигентность и преданность Валерия Покатова труду и искусству.

Своему любимому жанру — искусству экслибриса Валерий Покатов посвятил ряд стихотворений. Один из этих сонетов приводим в юбилейной статье. Стихотворение называется «Книжный знак».

*Через эпохи, смуты, времена
Прошел, как синтез творческих парабол,
Гравюрный оттиск личного клейма
На запыленных папках инкунабул.*

*Сквозь копоть «очистительных» костров
Мини-созданье гравера-умельца
Пришло тщеславной волею владельца
Посланцем из поверженных миров.*

*Разъяв в застежках кожаный футляр,
Увидел я чистейший тонкий абрис,
Что однозначно указал на адрес
Того, кто этой книги экземпляр
С собой в походы дальние берущий,
Прочитывал всегда на сон грядущий.*

В завершение юбилейной статьи отдельно отметим: начиная с 37 выпуска журнала «Автограф» выходит с обложкой, которую нарисовал В. В. Покатов. По многочисленным отзывам читателей, коллекционеров, художников и искусствоведов эта работа московского художника очень украсила печатный орган вологодской писательской организации литературно-художественный журнал «Автограф».

Сердечно поздравляем Валерия Владимировича Покатова с 60-летием со дня рождения. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

ПОДЛИННЫЙ РЕАЛИСТ ВЯЧЕСЛАВ ЛУКАШОВ

Нашим читателям уже знакомо имя самобытного ксилографа XX века Вячеслава Владимировича Лукашова (1938–2000). Мы рассказывали о книжных иллюстрациях и экслибрисах этого талантливого художника. Сейчас речь пойдёт о буквицах Вячеслава Лукашова.

Как известно, создание такого важнейшего украшения книги, как буквица или инициал (от латинского *initialis* — начальный), своими корнями уходит в глубокую древность. Так, ещё в рукописных книгах очень активно применялись инициалы, причём они богато расцвечивались сложными орнаментами. Помещались такие буквицы в начале текста книги, главы, части или абзаца. В печатных книгах этот художественный элемент чаще всего гравировался. Как правило, буквицы помогают великолепно выстраивать книжное пространство и одновременно делают очень привлекательным всё издание в целом. Не случайно в эпоху расцвета искусства ксилографии в первой половине XX века буквицам уделяли большое внимание все крупнейшие наши художники. Вспомним какие открытия в этой области сделали И. Н. Павлов, В. А. Фаворский, Д. И. Митрохин, Н. И. Пискарёв, М. М. Поляков и многие другие мастера искусства ксилографии. Их дело весьма успешно продолжили и художники-графики второй половины прошлого века. Был среди них и В. В. Лукашов.

Вячеслав Лукашов нашёл свой собственный подход в решении этого украшения книги. Художник делает буквицу книжной иллюстрацией по сути дела. Он заполняет поле буквицы определённым сюжетом, который полностью соответствует содержанию данного фрагмента книги и соответствует общему стилю оформления издания. Особенно это отчётливо проявилось и прозвучало при создании художественного образа книги Н. М. Карамзина «Предания веков».

Как видим, Вячеслав Лукашов пошёл дальше своих предшественников: он буквицы сделал главным художественным элементом в иллюстрировании книжного пространства. Так, в начале книги Карамзина «Предания веков» помещены только портрет выдающегося писателя и историка и полосная гравюра на историческую тему. Буквицы же открывают каждую главу и проходят красной нитью через весь увесистый том. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы создать единственный в своём роде зрительный образ сказаний, легенд, рассказов, составивших эту удивительную книгу. 68 красочных буквиц Вячеслава Лукашова позволили художнику наполнить всю книгу самыми разнообразными сюжетами. Это было мудрое решение. Именно лапидарность художественных миниатюр помогла включить в книгу такой обширный и богатый материал.

Абсолютно верное решение принял Вячеслав Лукашов при повторе в разных главах книги одинакового инициала: художник предлагает новый сюжет, новую композицию. Это так обогатило книгу и позволило художнику значительно расширить её зрительный ряд новыми сюжетами.

Художнику удалось запечатлеть в своих уникальных буквицах все главные исторические и бытовые события из книги «Предания веков». Тут и строительство храмов, и направляющиеся в монастырь богомольцы — паломники, и битвы с неприятелем, и портреты великих русских полководцев, как, например, Александр

Невский, Дмитрий Донской, и плач русских жён о погибших воинах, ряд впечатляющих сюжетов из кровавого царствования Иоанна Грозного и т. д.

В творческом наследии Вячеслава Лукашова буквицы занимают такое же важное место, как живописные этюды. Его этюды воспринимаются как завершённые картины небольшого формата. То же самое можно сказать и о художественных буквицах мастера. Это действительно законченные книжные иллюстрации. Получилось, что художник соединил заставки к главам книги с инициалом. Такой «экономный» для наполнения книжного пространства приём не только оказался уместным, но и вплотную приблизил слово к иллюстрации. Буквицы Вячеслава Лукашова к книге «Предания веков» обладают особой монументальностью. Художник блистательно сумел в малом выразить бесконечно большое, порой гло-бальное по своим масштабам событие.

Работа В. В. Лукашова — художника книги встретила горячую поддержку и понимание писателей, поэтов и коллег-художников. Вот что, например, писал известный график В. В. Вагин в рекомендации в Союз художников: «Знаю художника Лукашова Вячеслава Владимиоровича как книжного иллюстратора, оформившего и проиллюстрировавшего в технике ксилографии немало изданий. Среди них книги А.С. Пушкина, С. Есенина, Л. Леонова, Е. Исаева и других российских поэтов и прозаиков.

Для Вячеслава Лукашова характерно пристальное внимание к слову и стилю писателя, его стремление графически адекватного переосмыслиния этих понятий в гравюре. Поиски пластического решения и их успешная реализация в наиболее удачных листах убедительно выявляют в лице художника активного творца, стремящегося к постоянному движению и совершенствованию своего мастерства».

Совсем в другом ключе сказал о Вячеславе Лукашове русский поэт Егор Александрович Исаев: «Когда текст какого-то произведения набран в типографии, свёрстан, одет в обложку — это уже книга. И, конечно, автору приятно её видеть, держать в руках. А когда внутри её ещё одна книга, написанная воображением художника, его талантом — радость вдвое большая. Образно говоря, это уже не просто дом, а дом с садом, с тропинкой, ведущей к людям.

Текст своей поэмы я хорошо знаю. Как автор я от него отошёл. Поэма уже во мне отходила своё, отпала, стала «Далью». Но, конечно, интересно узнать, как её увидел, переложил в своё искусство — искусство графики — другой художник.

Иллюстрировал книгу В. Лукашов. Верно, — иллюстрировал. Но это слово здесь не соответствует смыслу данной работы. Художник добывает образ из слова, делает его зримым. Так я понимаю работу оформителя книги. Мне по душе гравюры Лукашова. В его иллюстрациях есть атмосфера, которая сливается с атмосферой слова. Здесь своя даль перетока. В слове — отзвук, в гравюрах — звук, и наоборот: в гравюрах — отклик, в слове — первозвук. От иллюстраций всегда ждёшь азарта, напора. Слово и изображение — это работа берега и волны, обоядественная и необходимая...»

В этой высокой оценке работы художника звучит в подтексте мысль, которую сформулировал в дарственной надписи на блестящее проиллюстрированной Вячеславом Лукашовым книге «Красные гроздья рябины» её автор поэт Вадим Кузнецов: «Соавтору». Именно так представляется работа В. В. Лукашова в каждой из 120 проиллюстрированных им книг.

В архиве Вячеслава Лукашова сохранился лист бумаги, на котором написано рукой художника: «Сделать эскиз можно только тогда, когда в голове сидит

какая-либо идея, которая волнует и не даёт покоя, идея, имеющая стать впоследствии воплощённой в материале... Сочинять когда угодно и что угодно нельзя...

Чем больше у художника опыта и мастерства, тем легче ему воплотить свой замысел. Опыт и мастерство зависит от глубины мысли автора, от его культуры, от богатства его фантазии, от остроты его восприятия и наблюдательности. От всего того, что мы, суммируя, называем талантом».

Эти слова художника воспринимаются теперь как его кredo, как символ веры. Не случайно в конце текста Вячеслав Лукашов провёл жирную черту и под ней написал: «Всегда помню, для себя».

На посмертной персональной выставке Вячеслава Владимировича Лукашова в московском Музее экслибриса всеобщее внимание привлекали прекрасные иллюстрации художника к книге великого русского писателя Василия Ивановича Белова «Бобришный Угор». Оказалось, что Лукашов часто бывал на вологодской земле и был по-настоящему, изнутри, в теме. Поэтому будет логично закончить эту статью словами В. И. Белова:

«Не счастье в России разных талантов, но особенно дороги для меня графики, в числе которых и Вячеслав Владимирович Лукашов, покинувший нас так рано. А подлинных реалистов в мире не так уж и много... Белов. 12.11. 2003».

Замечательный русский художник Вячеслав Владимирович Лукашов заслужил столь высокую оценку своего подвижнического труда.

Виталий Бакуменко
г. Москва

Н. НЕЙМЕШ

ЗИГЗАГ УДАЧИ

«У каждого своя доля і свій шлях широкий...» — писал Тарас Шевченко. Был свой путь и у Александра Федоровича Воробьевса.

Рисовать он любил с детства. Был у него и талант. Но отсутствие аттестата стало «непреодолимой» преградой для поступления в художественный институт. Видимо, правду говорит он, когда заявляет, что никогда и не стремился стать великим художником. Поэтому «звезд с неба не хватал». Довольствовался «синицей в руке», освоив профессию художника-оформителя.

Тяжелые военные и послевоенные годы, без отца (который был репрессирован еще до войны) сделали Александра предпримчивым, а тяга к деньгам сформировала и жизненное кредо. «Что-что, а «крутиться» я умею» — не без гордости заявляет он.

Хватался за любую работу. Был художником-оформителем и подрабатывал альфрейными работами. Охранял сады и ездил на север на заработки писать афиши. Так бы и писать ему свои любимые шрифты-кормильцы, если бы не повстречалась ему на пути «муза вдохновения».

Молодая «аппетитная мадам» легкого, даже очень, поведения. Которую никак не заподозрить было в безразличии к денежным знакам. И первым это почувствово-

вал его карман, который быстро оказался в гордом одиночестве. Брать же деньги из семейного бюджета было не то, чтобы опасно..., а слишком опасно. Впрочем выход нашелся быстро.

В юности он пробовал делать копии с репродукций. Но в художественные салоны того времени работы для продажи брали у художников имеющих диплом. К тому же и профессиональных копиистов тогда в Союзе художников хватало. Поэтому он быстро «охладел» к этому начинанию... Теперь же Александр Федорович вспомнил молодость. Настали девяностые годы и перестройка открыла гражданам широкие возможности для заработка.

Скопированную с репродукции живопись, в комиссионном магазине купили быстро. Тут и начался азарт-гонка за количеством. Трудоголик по натуре, Александр работал как заведенный. Поэтому быстро приобрел необходимые в работе навыки. Скорость исполнения «шедевров» возросла и денежки посыпались, как из рога изобилия. Правда, и цинизм по отношению к «любимой женщине» вырастал пропорционально...

Давно уж нет «музы», а привычка копировать, каждодневный труд и приобретенные навыки остались. И за это он очень благодарен ей. «Это, конечно, не Шишкун и не Васильев» — говорит он иногда, с удовольствием посматривая на свою работу, — «если бы они встали из своих могил и посмотрели мои копии, то снова бы попадали в них». И делает паузу, ожидая возражения. Я молчу и он разочарованно добавляет: «Но людям нравится!» И в этом тоже есть правда.

На основе его трагикомического рассказа — как он стал художником, я и разработал юмористический книжный знак для него. Экслибрис, который выставлялся на международных выставках в Польше, Гонконге и был напечатан в ката-

логах. На нем изображен художник в характерной для него позе вместе с «музой вдохновения». А практически — циничное отношение к ней передается через забытые в ноги колышки, которые поддерживают картину. Растиющая же из полотна ветка говорит об умении эффектно сделать акцент.

Разные мы люди по отношению и к творчеству, и к деньгам. Но восемь лет совместной работы и прожитая жизнь в государстве, которого уже нет на карте, сдружили нас. Теперь мы как две стороны одной медали, как плюс и минус в физике — тяготеем друг к другу и скучаем друг без друга. Тем более, что есть у нас и общая любовь. Мы обожаем писателя О. Генри. Его рассказ «Осенний лист» стал основой для создания второго экслибриса для Александра к его собранию книг О.Генри. Этот экслибрис — мой ответ на наши споры. Напоминание ему о том, что в мире существует и сострадание и бескорыстность. Но Александр Федорович советует мне не путать литературу с жизнью...

Министерство Российской Федерации
по атомной энергии
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ЯДЕРНЫЙ ЦЕНТР
Всероссийский
научно-исследовательский
институт экспериментальной физики
РФЯЦ-ВНИИЭФ

Генеральному директору музея-
заповедника
Л.Д.КОРОТАЕВОЙ

№

[] Г ПРИГЛАШЕНИЕ 1

Уважаемая Людмила Дмитриевна!

В Доме Ученых РФЯЦ-ВНИИЭФ (г. Саров) традиционно проводятся
литературные вечера: встречи с писателями и поэтами, презентации книг и
журналов, музыкально-литературные программы и т.п.

В нашем городе много поклонников творчества Николая Рубцова. За
последние годы было подготовлено несколько музыкально-поэтических
программ по творчеству поэта, которые вызывали большой интерес у
горожан.

Просим Вас направить Вашего сотрудника, писателя Белкова В.С.
на Рубцовские чтения, которые состоятся в начале октября 2005 г.

Все командировочные расходы оплачивает принимающая сторона т.е.
Дом Ученых.

Встреча с Белковым Вячеславом Сергеевичем, биографом поэта, будет
событием в нашей литературной жизни и внесет большой вклад в пропаганду
истинно русской литературы.

Хотелось бы начать его с разговора о творчестве, судьбах русских
поэтов, о Николае Рубцове.

С уважением

Заместитель директора Дома Ученых
РФЯЦ-ВНИИЭФ

Г.С.Сывороткина

Сывороткина
Галина Степановна 78057
ГС2 16.08.05

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДРУГА

Стихи Е. С. Саблиной
Мелодия В. М. Бакуменко

В ТЕМПЕ ВАЛЬСА.

МЕДЛЕННО, МЕДЛЕННО НОЧЬ наступает в э-том
за-бы-том крато. *mp* Листьями поздней любви

за-сы-па-ет дво-рик, ка-че-ли, скамью.

Бедным, заб-лудшим, по-ки-нутым рушам Богне
су-ме-ет по-мочь. *pp* Всех ус-по-коит и сле-

mp зы о-сушит тёмна-я, тёмна-я ночь.

Вот и пос-лед-ний фо- наль за-сы-па-ет башки,
ба-ю, ба-ю. *pp* Листьями поздней любви

ppp ₈ за-сы-па-ет дво-рик, ка-че-ли, скамью.

ДИПЛОМ

Уважаемая Елена Сергеевна!

Поздравляем Вас с успешным участием
в литературном конкурсе «Душа хранит»,
посвященном 70-летию великого русского
поэта Николая Михайловича Рубцова.

Желаем Вам дальнейших творческих
успехов, крепкого здоровья, удачи, счастья.

Председатель жюри конкурса,
Президент Международного Фонда
славянской письменности и культуры

В.М. Клыков

Елена Саблина

Журнал ищет спонсоров

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

45

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Герцена, 36. Союз писателей.
Вячеславу Белкову

Сдано в набор 1.08. Подп. в печать 23.08
Заказ № 753

Вологда
2006

45